

РЕЦЕНЗИИ

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ В СУДЬБЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

По поводу новой книги М.И. Воейкова «Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина»

(М.: Книжный дом «Либроком». – 2008)

Дзарасов Р. Солтанович – к.э.н., с.н.с., Центральный экономико-математический институт РАН.

Книга М.И. Воейкова замечательна, прежде всего, тем, что ставит коренные проблемы для мышления недогматических левых. Казалось бы, она посвящена истории, но в действительности это о современности.

М.И. Воейков безоговорочно утверждает тезис о предопределенности социально-экономического развития, что и отражено в заглавии книги. В качестве материала выступает драма Ленина, пытавшегося, по мнению автора, примирить экономический детерминизм ортодоксального марксизма с попыткой строить социализм в неготовой к этому стране. Автор книги проводит следующую цепь умозаключений:

- согласно ортодоксальному марксизму социализм может быть построен лишь в обществе, до конца исчерпавшем возможности развития по капиталистическому пути;

- в начале XX в. Россия была страной, находившейся на ранней стадии развития капитализма, следовательно, в ней могла произойти лишь буржуазная революция;

- русскую революцию, которую возглавил Ленин, надо понимать как единую от Февраля до Октября, и объективно носившую буржуазный характер;

- провозгласив, что эта революция является социалистической, Ленин погрешил против истории и против марксизма. Россия не была готова к социализму, почему и провалился «военный коммунизм»;

- перейдя к НЭПу, большевики негласно признали буржуазный характер своей революции и, тем самым, фактическую правоту меньшевиков, т.к. НЭП был меньшевистской программой;

- советское общество не было и не могло быть социалистическим, в связи с чем крах «коммунизма» и реставрация капитализма были просто обнаружением его действительной природы.

Обсуждаемая работа представляется ценной, прежде всего, своими постановками проблем. В самом деле, победа сталинизма, одержавшего свой триумф на плечах большевиков, и последующий полный крах ленинского проекта (пусть и в его сталинском исполнении) в начале 90-х, заставляют задуматься об адекватности ленинского пути вообще. Повторим, что вопрос этот вовсе не кощунственный, а совершенно

законный, встающий совершенно необходимо перед каждым думающим марксистом (в отличие от марксиста-догматика). Кажется, однако, что М.И. Воейков владает в некоторое противоречие, формулируя свой ответ. С одной стороны, он доказывает с цифрами и фактами в руках, что Россия для социализма в 1917 г. не созрела, с другой, говорит, что глупо было бы большевикам не брать власть, когда она сама упала к их ногам. М.И. Воейков идет так далеко, что решительно отвергает даже идею однородного социалистического правительства, которую отстаивали, например, меньшевики-мартовцы. Автор книги справедливо сомневается в практической дееспособности подобной власти. Но тогда как же он возражает против проведения большевистской политики? Может, надо было брать власть, чтобы проводить меньшевистский курс? После окончания гражданской войны, считает М.И. Воейков, так оно и получилось, ведь НЭП это политика меньшевиков. Но если это единственно правильная политика, соответствующая подлинному характеру русской революции, то она должна была приобрести устойчивость нового, победившего общественного строя. Между тем, М.И. Воейков утверждает, что НЭП был полон противоречий и конфликтов, не мог продолжаться долго и пал вполне закономерно. Далее, если советское общество было чисто буржуазным по своей природе, то почему для его строительства понадобилось сворачивать столь же, если не более, буржуазный НЭП? И в чем тогда смысл реставрации капитализма после краха советского строя?

Указанные противоречия ни в коем случае не снижают ценность рассматриваемой книги, ставящей перед нами вопросы коренные не только для суждений об истории, но что еще важнее – для определения нашей позиции сегодня. Непротиворечиво ответить на эти вопросы не может сегодня, пожалуй, никто, в том числе и автор настоящей рецензии¹. Мы можем лишь вместе поразмышлять над историей, определившей нашу современность. Начнем с исходного постулата о предопределенности, т.е. безальтернативности социально-экономического развития.

М.И. Воейков прямо высказывается в пользу формационного подхода к истории, полностью отвергая такие отступления от него, как цивилизационный подход (гл. 1). Однако автор является достаточно утонченным аналитиком, чтобы отметить важное противоречие в самом ортодоксальном марксизме, объясняющем историю, с одной стороны эволюционным развитием производственных отношений под воздействием прогресса производительных сил, с другой – революционными скачками, предполагающими революционную активность трудящихся, организующую роль партий и т.д. (С. 76-77). Какая же – эволюционная или революционная – сторона рассматриваемо-

¹ На ограниченность наших знаний, не позволяющую окончательно разрешить проблемы, поставленные в книге, справедливо указывал доктор философских наук В.Г. Арсланов на обсуждении работы М.И. Воейкова в Государственной Думе РФ 22 апреля 2009 г.

го учения более правильна? М.И. Воейков не отвечает прямо на этот вопрос, просто ссылаясь на противоречивость самой действительности, более адекватное отражение которой снижает «теоретическую стройность» наших взглядов (с. 77). Получается, что революционное нетерпение выражает просто некоторую погрешность истории, с которой она немного отклоняется от траектории, заданной железной логикой производственных отношений. Как говорили древние: «Покорного судьба ведет, а упирающегося – тащит». Если последовательно придерживаться такого взгляда, то придется отрицать ценность не только революционного действия, но и вообще всякого сознательного вмешательства в стихийные социальные процессы. Тогда, например, нет смысла бороться и против нынешнего российского капитализма каким бы «периферийным», «олигополистическим», «отсталым», «компрадорским» и т.д. он ни был. Ведь никто в нашей среде не станет отрицать, что нынешний российский капитализм возник как закономерное следствие разложения советской системы, как бы по-разному мы ее ни определяли. Но, несмотря на то, что мы много сил тратим на выяснение «объективного» и закономерного характера окружающего нас общества, мы не желаем мириться с ним, и упорно стремимся понять, кто же является субъектом его изменения.

Думается, что однозначная, линейная трактовка истории давно уже не удовлетворяет потребности познания социальных процессов. Сказанное не значит, что мы предлагаем отбросить формационный подход. Совсем нет. Мы считаем его величайшим завоеванием человеческой мысли, но полагаем, что пользоваться им надо с большой осторожностью, чтобы не впасть в неоправданное упрощение. В.И. Воейков часто обращается к ранним работам такого первоклассного марксистского мыслителя как Дьердь Лукач. В контексте данного спора особое значение приобретает его позднее наследие, в частности «Пролегомены к онтологии общественного бытия»². Основная идея этого сложного философского труда состоит в том, что объективная реальность является неоднозначной, противоречивой, она задает не один, а несколько векторов социального развития. (Заметим, что каждый из этих векторов объективно обусловлен.) В силу этого, считает Д. Лукач, объективная обусловленность исторического процесса не снимает с человека проблему выбора. Именно в этом выдающийся марксист видит основу существования этики. Ведь этическое, т.е. ценностное суждение невозможно в предопределенном мире, в котором нет места для свободы воли. Другое дело, что свобода воли не является абсолютной, она относительна. Но также относительна и объективная обусловленность, т.е. предопределенность в терминологии М.И. Воейкова, истории. Следует отметить, что объективно

² Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Пролегомены / Д. Лукач; Пер. с нем. И.Н. Буровой, М.А. Журиной; Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарского, М.А. Хевеши. М.: Прогресс, 1991. 410 с.

обусловленные альтернативы не безграничны, их ареал очерчен историей. Вот почему необходим научный, теоретический анализ действительности, без него нельзя сделать реалистичный выбор. Но в силу того, что объективная реальность противоречива, субъективный выбор (понимая под выбором также и бездействие) является обязательным условием того, чтобы это противоречие разрешилось тем или обратным образом. Вот почему революционная воля также необходима для совершения революции, как и объективная исчерпанность развития отжившего общественного строя. При этом революционная воля отталкивается от этических по своей природе мотивов – сочувствия к угнетенным, и его зеркального отражения – ненависти к угнетателям. Мало того, субъективный, этически обусловленный выбор сегодня во многом определяет объективную реальность завтра. Получается, что буквально каждое историческое событие, не говоря уже о таком грандиозном явлении, как революция, с одной стороны, объективно, а с другой – субъективно обусловлено.

Эту сложную диалектику свободы и необходимости хорошо чувствовал выдающийся русский марксист А. Богданов, говоря, что в случае с производительными силами речь идет о социально переживаемом³. Ведь двигателем развития, по его мнению, и в природе и в обществе является отбор, т.е. выбор. Стремлением найти тонкий баланс материального и духовного пронизана и теория гегемонии А. Грамши⁴. Он считал, что изживший себя, реакционный общественный строй может существовать бесконечно долго, если не выработан и не увлек массы альтернативный ему социальный идеал. Ту же мысль можно найти и в теории перманентной революции Л. Троцкого. Разве двоевластие, которое он отмечал в каждой крупной революции⁵, не отражает альтернативу выбора борющихся социальных классов, которая сама является отражением выбора социально-экономического? И зачем нам вообще стремиться понять историю, если мы лишь слепые, безвольные игрушки в ее могучих руках?

Думается, что такой, более тонкий марксизм, основанный на диалектике свободы и необходимости, больше подходит для анализа противоречий русской революции, и в частности «дилеммы Ленина».

Так, например, М.И. Воейкову удалось убедительно, с цифрами в руках доказать незрелость предпосылок социалистической революции в царской России. Казалось бы, из этого однозначно следует, что революция должна остановиться на буржуазно-демократическом этапе. Однако не будем спешить с выводами. Все путает знаменитый вопрос о гегемоне буржуазно-демократических преобразований. Как известно,

³ Богданов А.А. Эмпириомонизм, 1904-1906; его же Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.

⁴ Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991.

⁵ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М.: «ТЕРРА-ТЕРРА», Издательство «Республика», 1997, СС. 213-221.

правые меньшевики считали, что им может быть только крупная русская буржуазия. Эта позиция вытекала не из анализа эмпирически данной буржуазии России начала XX в., а из логики ортодоксального марксизма. При этом игнорировалось, что промышленные круги России того времени были слишком привязаны к самодержавию или к западному капиталу, или к тому и другому вместе, чтобы возглавить буржуазно-демократическую революцию, подобно европейской буржуазии в свое время. Большевики-мартовцы полагали, что гегемоном подобной революции не будет крупная, но может быть мелкая буржуазия⁶. Как показал Т. Шанин⁷, большевистская позиция сформировалась под влиянием опыта революции 1905 г., которая обнаружила как беспомощность русского либерализма, так и революционный потенциал русского крестьянства. Отсюда и ставка большевиков на союз не с буржуазией (крупной, средней или мелкой для них неважно), а на союз с крестьянством для совершения буржуазно-демократического переворота.

В такой постановке вопроса скрывалось значительное противоречие. В самом деле, получалось, что общество, в котором правящим классом является буржуазия, необходимо построить вопреки ее воле. Именно в ответ на этот конфликт и появились теории «перманентной революции» Л. Троцкого и «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» В. Ленина. Объединяла их та мысль, что рабочие и крестьяне, будучи ведущей силой этой революции, не смогут остановиться на ее буржуазно-демократическом этапе, и будут вынуждены осуществлять и социалистические преобразования. При этом, речь шла лишь об отдельных преобразованиях, которые можно будет довести до стадии социализма только после успешной социалистической революции в Европе. Таким образом, ни В. Ленин, ни Л. Троцкий не предлагали строить социализм в одной, отдельно взятой стране. Они предполагали осуществление отдельных социалистических преобразований лишь потому, что наблюдали эмпирический факт реакционности русской буржуазии, и вытекающей из этого беспомощности русского либерализма. Отметим, что имплицитно в позиции В. Ленина и Л. Троцкого заключено представление об истории, как об альтернативном процессе, в отличие от позиции меньшевиков.

История русской революции, рассматриваемой в единстве от Февраля к Октябрю (на чем правильно настаивает М.И. Воейков), блестяще подтвердила анализ большевиков и Л. Троцкого. Русская буржуазия практически не приняла участия в февральском восстании масс, которое возглавляли находившиеся в Петрограде «крайние элементы» – эсеры, анархисты, большевики. Вождь русских либералов П. Милюков был крайне удивлен, когда «умеренные элементы» – правые меньшевики и эсе-

⁶ С.В. Тютюкин. Большевикизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

⁷ Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905-1907 — 1917-1922 годы / Пер. с англ. Е.М.Ковалева. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

ры, получившие преобладание в Петербургском Совете – предложили кадетам и другим партиям Прогрессивного блока Думы взять власть и сформировать правительство⁸.

Временное правительство, в которое, в конце концов, были вынуждены войти и меньшевики с эсерами, было мертворожденным с самого начала. М.И. Воейков согласен с этим (с. 86), одобрительно цитируя П. Милюкова, писавшего, что, мол, «умеренные течения социализма» (правые меньшевики и эсеры) понимали, что необходимо развитие по буржуазному пути, но не смогли порвать связи со своими более левыми соратниками. «Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок»⁹. Одним словом, «умеренные» заняли половинчатую, нереалистичную позицию. В отличие от М.И. Воейкова, мы не спешим согласиться с кадетским лидером. На наш взгляд, правые меньшевики и эсеры предложили кадетам самый щедрый компромисс, который только можно было представить в тех исторических условиях: буржуазная республика с рядом важных уступок трудящимся, которую с некоторой долей условности можно сравнить с т.н. «государством благосостояния» послевоенной Европы. Кадеты от этого великодушного предложения отказались. Они сделали ставку на поражение революции силой и установление буржуазно-монархического режима без тех широких уступок трудящимся, которых требовали правые меньшевики и эсеры. Позиция последних действительно оказалась нереалистичной, но не в том смысле, как это понимал П. Милюков. Социально-экономические предпосылки для предложенного курса были налицо, но не было готовности русской буржуазии сделать соответствующий выбор. Именно это, последнее обстоятельство и породило дилемму Ленина, о которой написана обсуждаемая книга.

В самом деле, вся динамика русской революции от Февраля к Октябрю определялась не пресловутой «демагогией» большевиков, якобы безответственно обещавших всем все и вся, как изображает недалекая современная пропаганда, а попыткой русских либералов силой повернуть революцию исключительно к выгоде буржуазии. Именно поэтому, кадеты всячески затягивали созыв Учредительного Собрания, которое было необходимо им только после разгрома Советов, когда выборы можно будет «свободно» провести на своих условиях. Этим же определялась и позиция кадетов по поводу войны и мира. Совсем недавно, накануне падения царизма, именно «Прогрессивный блок» Думы искал пути к сепаратному миру с Германией, а теперь кадеты внезапно стали поборниками «войны до победного конца». Противоречия здесь

⁸ Суханов Н. Записки о революции. В трех томах. Т. 1. М.: Республика, 1992. 384 с.

⁹ Милюков П. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001, с. 207.

нет – если раньше они хотели вернуть армию домой для разгрома назревавшей революции, то теперь они стремились сохранить связи с союзниками по Антанте и боролись за влияние на армию ради свержения Советов. По тем же мотивам борьбы с революцией кадеты всячески препятствовали решению кардинального вопроса о разделе помещичьей земли. С целью разрушить социальную базу левых партий русская буржуазия начала сворачивать производство на предприятиях Петрограда, переводя капиталы за рубеж. Костлявая рука голода, объяснял промышленник Лианозов американскому журналисту Джону Риду, отрезвит рабочих. Предупреждал он и том, что Учредительное собрание будет немедленно разогнано, если примет негодные кадетам решения¹⁰.

А что же меньшевики? Они честно стремились удержать революцию в рамках, предписываемых «объективной реальностью». Например, меньшевистская комиссия при Исполкоме Советов разработала программу экономической политики, предназначенную для предотвращения неумолимо надвигающейся хозяйственной катастрофы. Предложенный план был совершенно трезвым и реалистическим с точки зрения «объективных» социально-экономических условий. Он состоял в том, чтобы правительство зафиксировало как прибыль предпринимателей, так и зарплату рабочих на определенном уровне, на основе чего был бы установлен контроль над ценами. Как уже сказано, этот план совершенно реалистичен с точки зрения «объективных предпосылок», как путь к стабилизации экономического и социального положения, без которой нельзя было утвердить буржуазно-демократическую республику. И сегодня никто лучшего плана для тех условий не предложит¹¹. Однако план оказался совершенно нереалистичен с субъективной точки зрения. Временное правительство не отвергло его, оно просто не стало его даже рассматривать. Причина в том, что кадеты не желали воспринимать рабочих как равную сторону в системе социального партнерства, на чем настаивали меньшевики¹².

¹⁰ «Может быть, голод и поражение (в войне – Р.Д.) пробудят в русском народе здравый смысл. ... Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия ... (курсив Д. Рида – Р.Д.)» (Рид. Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Госполитиздат. 1958, с. 31.).

¹¹ См. ниже о плане В. Войтинского по стабилизации экономики Германии во время Великой Депрессии.

¹² «Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством» (Рид. Дж., указ. соч., с. 31). Стоит отметить, что система «наблюдательных советов» в Германии, половину которых составляют представители рабочих, и которые назначают и контролируют деятельность Советов директоров немецких компаний, создана благодаря насле-

Таким образом, *парадокс русской революции состоит в том, что путь к буржуазной демократии был предложен меньшевиками (т.е. революционерами), а не либералами, а вот отвергнут, он был как раз либералами, а не большевиками.* Невозможность утверждения буржуазной демократии в России вытекала из того факта, что кадеты превратили демократические институты революции в орудие нарушения интересов трудящегося большинства страны, а меньшевики не нашли в себе сил воспрепятствовать этому. В силу этого, рабочие и крестьяне России были поставлены в условия, когда борьба за буржуазную демократию означала бы борьбу за нарушение их прав. Большевики исходили не из *нежелательности* буржуазной демократии, а из факта *невозможности* ее построения вопреки воле буржуазии, т.е. вопреки ее выбору из объективно заданных альтернатив. Меньшевики же упорно продолжали навязывать своим партнерам по Временному правительству идеал буржуазной демократии, исходя из доктринерского понимания истории как линейного, безальтернативного процесса.

Эту диалектику свободы и необходимости за несколько месяцев от Февраля до Октября усвоила на своем повседневном опыте вся многомиллионная страна. Выше уже говорилось, как шаг за шагом кадеты наступали на права трудящихся, завоеванные февральской революцией. Особенно явно это стало после т.н. «июльских событий». А. Рабинович показал в своих классических трудах¹³, что это провалившееся выступление большевиков было инспирировано не их руководством, а петроградскими массами, буквально тащившими своих революционных вождей на преждевременное восстание. Наступивший в результате временный и неполный разгром большевиков был воспринят правым лагерем во главе с кадетами, как сигнал к действию. Началась борьба с фабрично-заводскими комитетами, ограничивалась власть советов на местах, распускались солдатские комитеты в армии, усилилось переписывание помещичьей земли на родственников владельца и продажа ее иностранцам, началось закрытие предприятий и вывод капиталов за рубеж, происходили попытки ликвидации Красной Гвардии и т.д. Кульминации вся эта политика достигла в Корниловском мятеже, подготовленном и осуществлявшемся при самой деятельной поддержке кадетов. Идейные противники большевиков и сегодня скажут: вот и хорошо, правильно, жаль только, что эти меры не удалось довести до конца! По недостатку знаний истории и дефициту общей культуры этим господам неведомо, что именно подобные «твердые меры» и выдали большевикам мандат на власть. События в

дию немецкой социал-демократии, служившей моделью для их русских собратьев (Pugh G., *Financial Systems and Industrial Performance* / Len Shackleton and Thomas Lange (eds), *Germany: An Economy in Transition*. Oxford: Berg, 1998.).

¹³ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989; его же Кровавые дни. М.: Республика, 1992.

период от июля до августа (когда и произошел Корниловский мятеж) научили рабочих и крестьян, что отступление большевиков оборачивается наступлением реакции на их права. Не учитывая этого, нельзя понять тот единодушный, всенародный отпор, с которым столкнулся Корнилов, а также последовавшую за жалким провалом его мятежа большевизацию Советов¹⁴. Большевики вовсе не захватили власть в результате «безответственной демагогии», как любят повторять недоумки из числа антикоммунистов. (Разумеется, в демагогии тоже не было недостатка, но как раз в этой области, в отличие от пронизательности и глубины анализа, от умения прислушиваться к массам и отвечать на их нужды, у большевиков было немало достойных соперников.) Большевиков вознесла к власти волна народной поддержки, поддержки тех масс простых людей, которые увидели в них защиту от надвинувшейся угрозы насилия со стороны правых сил во главе с кадетами. Рабочие и крестьяне России в большинстве своем подтвердили свой выбор на полях гражданской войны, проголосовав своей кровью за большевиков, за Советскую власть, за строительство социализма. Более того, голос русских рабочих и крестьян громко прозвучал на весь мир, найдя горячий отклик в душах сотен миллионов угнетенных на всех континентах планеты, и породив коммунистическое движение – самое массовое политическое движение в человеческой истории.

Вопреки тезису М.И. Воейкова о предопределенности истории можно проследить ее альтернативы, рассмотрев выбор разных обществ, сделанный в сходных условиях. Одну из альтернатив приходу к власти большевиков показывает судьба Ноябрьской революции 1918 г. в Германии¹⁵. Это было спонтанное, мирное восстание народных масс, в течение буквально нескольких суток создавшее по всей стране демократически избранные Советы, заменившие фактически правившую до того военную диктатуру. Господствовали в новых органах власти социал-демократы, представляющие аналог наших меньшевиков. Левое крыло социал-демократии во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург было слабо и не могло играть роль российских большевиков. Власть получила верхушка правой социал-демократии во главе с Фридрихом Эбертом, находившаяся гораздо правее наших меньшевиков. Советы не

¹⁴ В связи с этим, нельзя не отметить, что не только недостаток знаний, но и откровенное презрение к простым людям, пренебрежение их правами сквозит в том восхищении Корниловым, которое присуще современной «демократической» интеллигенции в России, а также современным русским «почвенникам».

¹⁵ См. очерк революционных событий в Германии в: Sebastian Haffner, 1973, *Failure of a Revolution. Germany 1918-19*, (London: Andre Deutsch Ltd.), 201 p. О перипетиях истории немецкой социал-демократии в ходе Ноябрьской революции г. см.: A.J.Ryder, 1967, *The German Revolution of 1918. A Study of German Socialism in War and Revolt*, (Cambridge: Cambridge University Press), 278 p.

собирались упразднить буржуазный парламент (Рейхстаг), а наоборот превращали его из ширмы военной диктатуры (каковой он был в годы войны) в подлинно демократическое собрание народных представителей. Казалось бы немецкая буржуазия должна была этому только радоваться. Однако в действительности демократический характер революции не растрогал немецких правых. На повестку дня стали глубокие социальные реформы, которые должны были, не упраздняя буржуазный строй, существенно расширить социально-экономические права трудящихся. Этого было достаточно, чтобы правящие круги Германии начали подготовку свержения революции силой. С этой целью правительством Эберта-Шейдемана на базе сокращаемых из армии военных были созданы отряды штурмовиков, насчитывавшие сотни тысяч боевиков под командой видного социал-демократа Густава Носке. В январе 1919 г. ими был спровоцирован массовый террор, в ходе которого произошла расправа с революцией. Веймарская республика была, конечно, буржуазной демократией, представлявшей собой шаг вперед, по сравнению с военной диктатурой. «Но экономический и социальный порядок остался не реформирован»¹⁶. Отсутствие большевистской альтернативы в Германии привело к утверждению буржуазной демократии без социальных гарантий прав трудящихся. Это результат, близкий к тому, к которому стремились русские кадеты (с поправкой на то, что они хотели сохранить конституционную монархию).

В связи с этим стоит упомянуть следующее любопытное обстоятельство. Одним из главных авторов меньшевистского плана экономической стабилизации России во времена Временного правительства, упомянутого выше, был известный меньшевик и крупный экономист В. Войтинский. После окончания гражданской войны в России он оказался в Германии. Здесь во время Великой Депрессии 1929-1933 гг. он возглавил исследовательскую службу Федерации профсоюзов Германии, пытавшуюся выработать программу борьбы с безработицей. Выдвинутый совместно с влиятельным профсоюзным деятелем Фрицем Тарновым и видным экономистом Фрицем Бааде план был немецким вариантом кейнсианства. Он предполагал организацию массовых общественных работ, финансируемых за счет дефицита текущего государственного бюджета, и использование контролируемой инфляции для оживления экономики¹⁷. Социал-демократическая партия Германии, на которую равнялись русские меньшевики, отвергла этот единственно спасительный от фашизма план. Поверхностные причины были в том, что он был неприемлем для канцлера Брюнинга, а также в том, что безработные обычно голосовали за коммунистов. Предприниматели

¹⁶ Sassoon Donald. One hundred years of socialism. The West-European left in the twentieth century. London: Fontana press, 1997, p. 49.

¹⁷ Чернявский Г.И. Войтинский и его время. / Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.

отвергли этот план, т.к. «боялись инфляции больше, чем безработицы»¹⁸. (Похоже, что о плотную надвинувшейся опасности фашизма никто не думал вообще.)

За этим весьма недальновидным решением скрывалось нежелание немецкой буржуазии искать компромисс с трудящимися. Предложения, подобные изложенным выше, звучали до войны и в Англии, и в других странах Европы, и везде были отвергнуты. Между тем, как опыт русской революции, так и послевоенная практика самой Западной Европы показывают органическую необходимость (т.е. объективную обусловленность) широкого социального компромисса с трудящимися для выживания и развития капитализма. Между тем, даже хваленая европейская буржуазия оказалась не готова к тому, чего требовали объективные условия. Чего уж говорить о русских капиталистах.

В результате сложившаяся в Германии система буржуазной демократии оказалась крайне неустойчивой. Она была лишена поддержки народных масс, зато опиралась на штурмовиков, ставших основным столпом фашистского движения. Некоторые историки считают, что именно разгром демократической немецкой революции создал внутренние предпосылки для победы фашизма в Германии¹⁹. Это подтверждается и тем, что борьба немецких коммунистов одновременно против «национал-социалистов» и «социал-фашистов» (т.е. социал-демократов) объясняется не только ошибочной политикой сталинского Коминтерна, но и горьким опытом разгрома немецкой демократической революции. Как видим, «дилемма Ленина» оказалась по своему актуальна и для Германии. Мы имеем ввиду неспособность правящих кругов Германии создать устойчивую буржуазную демократию. В такой ситуации предотвращение фашизма требовало не борьбы за буржуазно-демократический строй сам по себе, а проведения, по крайней мере, определенных социалистических преобразований. Отсутствие в Германии леворадикальной силы, сравнимой по влиянию с большевизмом, сделало эту задачу неразрешимой, что сыграло роковую роль в немецкой и мировой истории.

К немецкому примеру вплотную примыкает пример испанской революции²⁰. Испания 1930-х годов обладала чертами, сближавшими ее с Россией начала века. Типичная страна периферийного капитализма с преобладанием сельскохозяйственного населения. На социальную катастрофу Великой Депрессии Испания ответила переходом от монархии и генеральской диктатуры к буржуазной демократии. Однако наличие многомиллионного социалистического движения (анархисты, близкие к мень-

¹⁸ Sassoon D., *op. cit.*, p. 61.

¹⁹ См. Sebastian Haffner, указ. соч. См. также примечание о деятельности комиссии В. Войтинского в Германии.

²⁰ См., например, Preston Paul. A concise history of the Spanish civil war. London: Fontana Press, 1996; Thomas Hugh. The Spanish civil war. London, 1962.

шевикам социалисты, коммунисты, ПОУМ и др. более мелкие группы) придало испанской республике красный оттенок. Получив в парламенте большинство, левые партии, несмотря на сильные разногласия между собой, приступили к значительным, хотя и частичным, социалистическим преобразованиям. Эти преобразования осуществлялись в полном соответствии с процедурами буржуазной демократии. Однако строгая законность движения испанского общества к социализму не обеспечила ему поддержку не только со стороны испанских правых, но даже со стороны «матери парламентов» Великобритании, и таких устойчивых демократий как Франция и США. Когда разразился фашистский мятеж против Республики, последние заняли позицию нейтралитета, благоприятного по отношению к Франко. Единственной великой державой, оказавшей реальную помощь законным властям, оказался СССР. Впрочем, здесь левые силы в целом оказались на высоте, обеспечив мобилизацию масс на войну. Поражение Республики объясняется, главным образом, предательством со стороны Западных демократий²¹. Таким образом, в Испании также не удалось утвердить буржуазную демократию, т.к. правящие круги этой страны не захотели смириться даже с частичными и мирными социалистическими преобразованиями. Следовательно, эта страна также не избежала «дилеммы Ленина». Перерастание испанской буржуазно-демократической революции в социалистическую (или, что тоже самое, осуществление перманентной революции Троцкого) было прервано лишь масштабным внешним вмешательством Германии, Италии и Португалии.

Другую альтернативу большевизму продемонстрировала китайская революция. История Китая вообще, по мнению такого тонкого марксистского аналитика как Исаак Дойчер, показывает альтернативы советской истории²². Синьхайская революция 1911-1913 гг. открыла в Поднебесной путь развития периферийного капитализма по своему типу сходного с российским. С определенной долей условности можно считать, что в Китае начался период, похожий на затянувшийся режим Февральской революции в России. В результате, первая страна оказалась во власти хаоса, распавшись на отдельные части, которыми управляли военно-феодалные диктаторы

²¹ Справедливости ради надо сказать и том, что не меньше Запада победы испанского социализма боялся и Сталин. Для него она означала появление социалистической альтернативы, которая, согласно ожиданиям Троцкого (см. ниже), могла привести к падению сталинской диктатуры в СССР. Возможно поэтому Сталин всячески сдерживал социалистические преобразования в Испании. (См. его переписку с правительством Испании в приложении к замечательной книге Carr E.H. *The Comintern and the Spanish civil war*. London: Macmillan, 1984.)

²² Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы»/ Э. Хобсбаум; Пер. с англ. Агальцева Н. Г./ Незавершенная революция/ И. Дойчер; Пер. с англ. Агальцева Н. Г. — М., «Интер - Версо», 1991.

(милитаристы), а также став легкой добычей японских интервентов и западных «демократий». Анархическому распаду Китая положила конец только победа коммунистов в 1949 г. Любопытно отметить, что марксизм появился в Китае под влиянием победы русской революции, и был заимствован именно в форме ленинской теории «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» и теории «перманентной революции» Л. Троцкого²³. Т.е. Китай не знал меньшевизма, настолько велико было отторжение капитализма в этой стране. Похоже, что китайское общество приняло рынок только тогда, когда он оказался подчинен плану, и открыл возможности повышения благосостояния за счет личной инициативы широким слоям общества. Такое развитие рынка мыслимо только после победы коммунистов, как своего предварительного условия, точно так же, как НЭП мыслим только после победы большевиков (о чём см. ниже)²⁴. Получается, что и для понимания Китайской революции «дилемма Ленина» имеет критически важное значение. Здесь также не удалось остановиться на стадии буржуазно-демократической революции.

Разумеется, рассмотренные примеры являются не более, чем аналогиями, не дающими нам право уверенно утверждать, что именно такие «перспективы» ждали Россию в случае провала большевиков. Однако эти аналогии весьма многозначительны²⁵. Прежде всего, они подчеркивают альтернативность и нелинейность исторического процесса. Во-вторых, они говорят о том, что революционный выбор русских рабочих и крестьян основывался не на чьей-то «демагогии», а на оценке реальных угроз, материализовавшихся и в истории других обществ, находившихся в сходных обстоятельствах.

Таким образом, приход к власти большевиков был никаким не «путчем» и не «переворотом», а результатом сложнейшего взаимодействия их исторического выбора с выбором кадетов, блока меньшевиков и эсеров, а также миллионов рабочих и крестьян. Этот совокупный выбор с равнодействующей в пользу большевизма был сделан основными историческими силами, действовавшими в одних и тех же объективных условиях, но он реализовал лишь одну из возможных альтернатив. Сложную взаимосвязь исторических сил, боровшихся за исход русской революции, можно сравнить с математической системой одновременных уравнений, в которой изменение одной переменной, ведет к изменению всех других. Для автора этих строк несо-

²³ Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М.: Муравей Гайд, 2001.

²⁴ Это еще одно соображение, не позволяющее нам согласиться с приведенным в примечании ниже остроумным возражением профессора А.В. Бузгалина против сходства экономик НЭПа и современного Китая.

²⁵ Еще Чаадаев, в свое время, указывал, что Россия «одним локтем опирается на Германию, а другим – на Китай». Правда, великий русский философ считал, что мы ничего так и не восприняли из великих культур этих двух стран.

мненно, что если бы, скажем, кадеты сделали другой исторический выбор, то и стратегия большевиков была бы иной, и реализовалась бы другая социально-экономическая альтернатива, но она была бы точно также объективно обусловлена.

Но вот большевики у власти. Что дальше? В политике «военного коммунизма» сплавились воедино и объективная потребность в централизации экономики в условиях кризиса²⁶, и стремление уничтожить эксплуататорские классы, и утопические мечты о близком социализме, и надежды на начинавшуюся европейскую революцию. Провал этой политики частично подтверждает тезис М.И. Воейкова, вынесенный в заглавие его книги. Действительно, как ни была обусловлена значительная централизация хозяйственной жизни, но попытка непосредственно перейти к безденежному хозяйству, это слишком большое отступление от объективно заданной альтернативы. Такое в истории наказуемо. Пришлось переходить к НЭПу.

Этот факт М.И. Воейков трактует однозначно, как торжество меньшевистского курса. Определенные основания для этого есть. Ведь это отступление от непосредственного приступа к строительству социализма. (Заметим, однако, что, как сказано выше, В. Ленин и Л. Троцкий полагали возможной победу социализма в России только при поддержке пролетариата передовых стран.) Но дает ли это основания отождествлять НЭП с меньшевизмом? По смыслу меньшевистской позиции править новым обществом в России должна крупная (правые) или средняя и мелкая (мартовцы) буржуазия. Это предполагал и курс экономической политики, предлагавшийся ими Временному правительству. Между тем, НЭП осуществлялся после ликвидации крупного капитала и при значительном контроле над средним и мелким капиталом, когда частное использование наемного труда было исключено или резко ограничено. Цены на главные продукты промышленности устанавливались государством, в его же руках был практически весь кредит, утвердилась государственная монополия внешней торговли и т.д. Все эти меры впервые в истории делали рыночную экономику подвластной плановым рычагам управления. Это, разумеется, еще не социалистическая система, но капиталистические отношения в ней либо подавлены, либо жестко ограничены. Такая система предполагала взятие власти большевиками (или какой-либо другой радикально-социалистической силой) и разгром сторонников буржуазного порядка, как свое обязательное предварительное условие. Но, как сказано выше, подобный выбор был неприемлем для меньшевиков. Поэтому мы считаем НЭП большевистской политикой. На наш взгляд, Ленин был прав, когда в полемике с Н. Сухановым говорил, что уничтожение буржуазии создает предпосылки строитель-

²⁶ Аппарат наркоматов и главков был создан еще при царизме (военно-промышленные комитеты), тогда же началась и укреплялась при Временном правительстве хлебная продразверстка.

ства социализма²⁷. Но, разумеется, НЭП сближал большевиков с меньшевиками и эсерами (в отличие от военного коммунизма). На этой основе теоретически мыслимо установление союза большевиков, по крайней мере, с частью других революционных партий (или с теми из их сторонников, кто не участвовал в вооруженной борьбе с красными в годы гражданской войны). Такой блок мог укрепить большевистский социально-экономический выбор перед лицом назревавшего в годы НЭПа сталинского переворота. Много позже, уже в 1930-е годы, один из выдающихся деятелей внутрипартийной оппозиции М. Рютин с горечью признал²⁸, что большевики имели сильный иммунитет против правого оппортунизма, т.е. предательства интересов трудящихся в пользу эксплуататорских классов, но у них не оказалось иммунитета против «левого оппортунизма», т.е. предательства интересов трудящихся в пользу партийного вождя. Похоже, что иммунитетом второго рода в большей мере обладали меньшевики.

Впрочем, вопросу о свертывании НЭПа М.И. Воейков не уделяет большого внимания. Он просто отмечает, что НЭП был очень противоречивой системой и поэтому его падение закономерно. Но тут мы уже начинаем теряться в сложном лабиринте мысли автора книги. Ведь по М.И. Воейкову предопределенность истории задает однозначный путь развития. В таком случае, возможно одно из двух: объективно обусловлен либо НЭП, либо сталинский тоталитаризм. По общему смыслу обсуждаемой концепции, вышедшее из шинели Сталина советское общество было буржуазным. Просто его подлинная природа была скрыта искусственными идеологическими скрепами. Тут М.И. Воейков обращается к политэкономическим дискуссиям советских времен о товарно-денежных отношениях (ТДО) (СС. 155-172). Он подчеркивает, что теоретики идеологического толка, вслед за Сталиным, стремились объявить эти отношения советской экономики имеющими лишь формальное сходство с рыночными процессами при капитализме. Подчинение ТДО всеохватывающему народно-хозяйственному плану, мол, наполняет эту форму принципиально новым содержанием. В чем же состоит последнее, как справедливо замечает автор книги, так и не разъяснили внятно, пока не исчез сам предмет спора. Единственный, кто честно сказал, что никакого нового содержания ТДО при социализме нести не могут, т.к. этот общественный строй является нетоварным, был Я. Кронрод, одним из блестящих учеников которого является М.И. Воейков. Нетоварное понимание социализма кажется нам убедительным.

Но в таком случае НЭП был гораздо более естественным строем, чем сталинский «социализм», т.к. при нем открыто признавались законными рыночные отношения.

²⁷ М.И. Воейков правильно подчеркивает, что у Ленина говорится лишь о возможности начать строительство социализма, но не о возможности завершить его без европейской революции.

²⁸ Рютин М. На колени не встану. М.: Политиздат, 1992.

Разумеется, они были ограничены планированием, и определенные основания для утверждения об изменении их природы в условиях наличия народнохозяйственного планирования были. Так, один из блестящих представителей «школы Бухарина» (которую совершенно несправедливо недооценивает М.И. Воейков) А. Айхенвальд писал в своем замечательном труде 1920-х годов «Советская экономика»²⁹, что суть новой системы в том, что планирование опирается на сигналы рынка, а рыночный обмен – на плановые пропорции. Таким образом, наблюдается органическое единство двух секторов народного хозяйства. Разумеется, это не гарантирует от конфликтов, диспропорций и даже кризисов. Особенно, если учесть, что в 1920-е годы происходило лишь становление новой системы, когда методы планирования еще только отрабатывались, что предполагает определенный период проб и ошибок. Стоит, однако, помнить, что весь XX век прошел под знаком поиска оптимального сочетания рынка и государства. Именно в этом смысл кейнсианского государственного регулирования на Западе, социалистической ориентации в Третьем Мире, «азиатской модели» в Японии, Южной Корее и Китае³⁰. Какой из этих стран удалось избежать кризисных явлений и диспропорций подобных НЭПовским? Скажем, в Китае периоды реформ перемежаются с периодами «урегулирования», когда усиливается государственный контроль над экономикой для ликвидации накопившихся диспропорций, чтобы на новой основе усиливался рынок. В блестящей и несправедливо забытой работе Л.Н. Юровского «Наше хозяйственное положение»³¹ объясняется, что экономические затруднения середины 1920-х годов вызваны не недостатком инвестиций в тяжелую промышленность, как считали сторонники левой оппозиции. Проблемы скорее связаны с непропорциональностью размещения этих инвестиций, когда значительные вложения в тяжелую промышленность не уравновешены соответствующим

²⁹ Айхенвальд А.Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР. М., Л.: Госиздат, 1929.

³⁰ На обсуждении книги М.И. Воейкова в Государственной Думе РФ 22 апреля 2009 г. профессор А.В. Бузгалин категорически отрицал связь НЭПа и политики современного Китая, говоря, что первый был путем от рынка и капитализма к плану, а вторая, наоборот – от плана к рынку и капитализму. Он даже заметил, что одно похоже на другое чисто внешне, как скажем, «еж на щетку». Сравнение остроумное, но не кажется нам убедительным. Во-первых, НЭП был переходом от попытки построить безтоварную экономику (военный коммунизм) к планово-рыночному хозяйству. Во-вторых, в современном Китае рынок сосуществует и взаимодействует с планом. Следовательно, в китайской модели (и, вероятно, в азиатской модели в целом) действует то же взаимопроникновение плана и рынка, о котором писал А. Айхенвальд, говоря о НЭПе.

³¹ Юровский Л.Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. М.: 1928.

развитием легкой промышленности. В результате не удается предложить товары, которые покрыли бы выплаченную в ходе этих инвестиций заработную плату. Таким образом, противоречия в НЭПе были, но они не носили смертельного для этой системы характера, а подлежали решению в ходе эмпирического поиска оптимального соотношения плана и рынка, точно также как это происходило в других странах, не прибегших к сталинизму. «Большой скачок» в темпах индустриализации и насильственная коллективизация это иррациональная политика, не вытекавшая из «объективных» социально-экономических условий, а выражавшая определенную, и как видим весьма значительную, свободу выбора в истории.

Такое понимание подводит нас к еще одному важнейшему вопросу, затронутому в книге. Это вопрос о природе советского общественного строя. В зависимости от решения данной проблемы М.И. Воейков определяет характер русской революции. Он считает, что коль скоро советский строй был буржуазным, и никаким другим быть просто не мог в силу предопределенности социально-экономической стратегии, то и сама русская революция носила не социалистический, а буржуазный характер. Следует отметить последовательность мысли и интеллектуальную честность автора, готового отказаться от любых стереотипов, как бы они ни были дороги, если анализ убеждает его, что это заблуждения. Тем не менее, разберем доводы М.И. Воейкова по порядку.

Представляется невозможным определить советский строй каким-либо однозначным образом. Признание его социалистическим сомнительно хотя бы потому, что об успешном построении нового общественного строя было объявлено руководством тоталитарной страны по очевидным идеологическим мотивам. Следует помнить, что левая оппозиция доказывала, что социализм нельзя построить в «одной отдельно взятой стране», и новый строй может утвердиться лишь в результате мировой революции. Это был вызов самим основам сталинской стратегии. В силу этого «красный диктатор» мог обосновать легитимность своей власти только тем, что вопреки утверждениям противников, он социализм построил и без всякой «помощи со стороны пролетариата передовых стран». Провозглашено это было в разгар Великих чисток, когда возразить вождю в стране было некому. Poleмика по данному вопросу свелась к «плодотворным» дискуссиям партийных схоластов о том, построен ли социализм «в основе» или «в основном». Зато было кому сказать свое веское слово за рубежом.

М.И. Воейков много ссылается на классический труд Л. Троцкого «Преданная революция» 1936 г.³², в котором подробно показано, что советское общество никак не может считаться социалистическим. Но тогда какое же оно? М.И. Воейков внешне

³² Троцкий Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР, 1991.

логично говорит, что – буржуазное. Почему-то он даже не упоминает гораздо более интересный ответ, который дает Л. Троцкий. Согласно последнему советское общество не является социалистическим, хотя и содержит важные элементы социализма. Но оно не является и капиталистическим, хотя содержит немало элементов капитализма. Это общество переходное, т.е. пытающееся строить социализм. Вот почему это общество смешанное. В нем есть ингредиенты и того и другого общественного строя. Анализируя широкий круг данных о социально-экономическом развитии СССР, Л. Троцкий показывает как идеологические скрепы, наложенный Сталиным на советский строй, коверкают и искажают его развитие. Поскольку это еще не социализм, то в подобном обществе должны быть допущены рыночные отношения в открытой форме. Исходя из того, что социализм есть нетоварное общество, сталинская бюрократия стремится к возможно более полной централизации хозяйственной жизни. В результате цены, не определяемые спросом и предложением, перестают выполнять свою функцию оценки общественной полезности затрат труда. В этих условиях деньги не могут эффективно выполнять свои функции, и подрывается роль заработной платы как стимула к эффективному труду. Бюрократия, конечно, может скопировать на Западе те или иные заводы и технологии, правда построив их втридорога, но не может решить проблему качества производства. А ведь именно последнее является важнейшим условием для действительной победы нового строя.

Самое поразительное в анализе Л. Троцкого это его прогноз относительно будущего СССР. Особенность переходного общества, говорит он, состоит в том, что оно потенциально может перейти к социализму, но может и вернуться в капитализм. Тенденцию к последнему варианту Л. Троцкий видел, в частности, в росте привилегий начальства в СССР. Он справедливо усматривал в этом извращенную форму частного присвоения, т.е. искажение буржуазных по своей природе отношений. С течением времени бюрократия захочет закрепить свое положение в обществе с помощью открытого узаконивания частной собственности. Как бы ни относился читатель к Л. Троцкому, ему следует задуматься над тем, что это опубликовано в 1936 г. Альтернатива возрождению капитализма в СССР связана, по мнению Л. Троцкого, с победой мировой социалистической революции, которая могла произойти в результате надвигавшейся мировой войны. Победа мирового социализма, впрочем, ни в коем случае не гарантирована. Вот почему находившийся в изгнании вождь левой оппозиции с таким вниманием следил за развитием событий в Германии, гражданской войной в Испании, провальной стратегией сталинского Коминтерна и другими международными событиями того времени³³.

³³ О глубине анализа Л. Троцкого свидетельствует, например, то, что, рассматривая положение в Германии, он фактически предвосхитил основные идеи будущего классического труда Эриха Фромма «Бегство от свободы». Тем

Обратите внимание на то, что Л. Троцкий, блестящий марксистский аналитик, трактовал будущее СССР как яркий пример альтернативы социально-экономического развития. В самом деле, речь идет о том, что переходное общество онтологически глубоко противоречиво и может пойти буквально в противоположных направлениях, каждое из которых строго объективно обусловлено. Представляется, что подход Л. Троцкого, исходящего из альтернативности истории, более тонок и продуктивен, чем однозначное понимание М.И. Воейковым советского общества как буржуазного. Первая позиция позволила априори *предсказать* реставрацию капитализма в СССР, тогда как вторая не позволяет ее даже постфактум *объяснить*.

Как ни важен экскурс в историю, предложенный М.И. Воейковым, но особое значение поднятые им вопросы имеют для понимания современности нашей страны. В самом деле, если социально-экономическая стратегия развития общества жестко предопределена, то в современном российском капитализме, наконец, восторжествовала историческая необходимость, и всякое вмешательство в стихийное развитие нового общественного строя должно быть признано излишним. Между тем, подобно нашим предкам сто лет назад, мы вновь оказываемся перед проблемой незавершенности буржуазно-демократических преобразований в нашей стране. На это могут возразить, что мол худо бедно, но мы имеем наконец буржуазию, правящую демократическим путем. Если рабочие при этом и живут хуже, чем при тоталитаризме, то это только потому, что они не умеют пользоваться своими правами, плохо работают, имеют низкую культуру и т.д. Такой вывод, однако, был бы преждевременным.

Среди специалистов по корпоративному управлению сложилось единство мнений о том, что в нашей стране формальные права собственности невозможно реализовать, если они не подкреплены неформальным контролем над активами. «Неформальный контроль» это эвфемизм, заменяющий более точное слово – насилие. Этот контроль опирается на связи с коррумпированным чиновничеством, криминальными структурами, наличие мощной службы внутренней безопасности фирмы и развитый аппарат контрольно-ревизионных органов. Вся эта «инфраструктура контроля» очень затратна и ведет к чрезмерной централизации, но она совершенно необходима в условиях, когда на бизнес покушаются конкуренты извне, а рабочие и менеджеры стремятся воровством компенсировать неоправданно низкие доходы. Ориентированные на извлечение краткосрочного дохода за счет своего контроля над финансовыми потоками предприятия собственники не заинтересованы в долгосрочных эффективных инвестициях. Свои накопления они предпочитают держать на Западе³⁴. Потеснив

же читателям, которые думают, что мы преувеличиваем проницательность Л. Троцкого, следует задуматься хотя бы над названием одной из его статей 1932 (!) г. – «Предвижу войну Германии против Советского Союза».

³⁴ См. подробнее о природе современного российского капитализма в книге:

на этом поприще криминальные структуры, государство стало играть ведущую роль в силовом перераспределении прав собственности в пользу более «близких» предпринимателей³⁵. Таким образом, экономический «базис» нашего общества составляет крайне неэффективный класс собственников, для которого характерно внеэкономическое принуждение в распределении доходов, а также рабская зависимость от национального государства и западного капитала. Это вариант отсталого, полуфеодального и «периферийного» капитализма, не способного решить задачу модернизации страны. Подобной гнилой основе соответствует и характер ее политической надстройки.

Сторонники нынешней власти стремятся доказать, что она изменила вектор развития страны по сравнению с 1990-ми годами. В 2000-е годы, действительно, произошла относительная консолидация российского государства: укрепление вертикали власти, снижение государственного внешнего долга, приостановка территориального распада страны, некоторый рост расходов на оборону, более внятный, хотя и непоследовательный внешнеполитический курс. Однако нельзя не заметить, что все эти скромные достижения покоятся на очень шаткой основе – росте доходов государства от экспорта нефти, газа, металлов и некоторых других видов сырья. Американский специалист по России М. Голдман удачно назвал этот феномен «нефтегосударством»³⁶. В самом деле, вся социально-экономическая стратегия страны в 2000-е годы была подчинена всемерному наращиванию экспорта энергоресурсов. Выпуск денег и доходы от гигантского профицита бюджета, например, в основном использовались для поддержания курса рубля, выгодного экспортерам³⁷. В результате этих средств была лишена обрабатывающая промышленность, от которой зависит технологический уровень развития экономики, уровень национального дохода и оборонные возможности государства. Поток доходов от экспорта энергоресурсов позволял некоторое время скрывать глубокие внутренние противоречия осуществлявшегося курса: мириться с масштабным вывозом капитала из страны и рассчитывать на рост внутренних инвестиций; соглашаться с непомерным неравенством распределения национального дохода и декларировать социальное государство; не обеспечить масштабной модернизации военного производства и укреплять обороноспособность;

Дзарасов Р., Новоженев Д. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: УРСС, 2005.

³⁵ Yakovlev Andrei. Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // Europe-Asia Studies, Vol. 58, No. 7, November, 2006, pp. 1033-1056.

³⁶ Goldman Marshall. Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford, New York: Oxford University Press, 2008.

³⁷ Маневич В.Е. Монетарный механизм экономического кризиса в России // Бизнес и банки. № 9 (942) март 2009.

покупать лояльность региональных элит и укреплять территориальную целостность; идти (в первой половине 2000-х годов) на односторонние уступки Западу и усиливать международные позиции страны. Стратегия «нефтегосударства» привела к тому, что Россия вышла из периода беспрецедентных экспортных доходов с изношенными основными фондами, ослабленной финансовой и уязвимой политической системой. Начавшийся мировой экономический кризис в любой момент может положить конец весьма хрупкой социально-экономической и политической стабильности.

Между тем, 2000-е годы стали периодом беспрецедентного после окончания холодной войны роста внешнего давления на нашу страну. В ответ на неоправданные односторонние уступки России начала десятилетия, Запад предпринял попытку стратегического окружения и изоляции нашей страны путем выхода из договора по ПРО, организации «цветных революций» на пост-советском пространстве, втягивания Украины и Грузии в НАТО, признания независимости Косово, утверждения своего военного присутствия в Средней Азии и других мер³⁸. Особенно тревожно возобновление «Большой игры» за вытеснение России из нефтеносных районов Каспия и Средней Азии³⁹. В русле этой стратегии фактически осуществлялась совместная агрессия Запада и исламского фундаментализма на Кавказе, а также «война чужими» руками в августе 2008 г. в Южной Осетии. Борьба за Кавказ имеет чисто экономическую подоплеку – Запад стремится обеспечить коридор для транспортировки энергоресурсов Средней Азии в обход России⁴⁰.

В условиях углубления мирового экономического кризиса борьба центра мирового капитализма за контроль над ее периферией должна резко обостриться. *Российский капитализм, экономически неэффективный, породивший огромное социальное недовольство, и создавший неустойчивую политическую систему, неспособен выдержать предстоящую на мировой арене борьбу* и должен испытать банкротство, сравнимое с поражением царизма в Первую мировую войну.

Если исходить из жесткой предопределенности социально-экономического развития, то ничего с этим поделать нельзя. Определенная часть левой интеллигенции считает, что ничего делать и не надо. Так, на одном из заседаний клуба «Диалог» в марте 2009 г., мне довелось услышать, что «национальная безопасность это не наш вопрос», что «если Россия даже и развалится, то ничего страшного в этом нет», что

³⁸ Морозов С., 2008, Дипломатия Путина. Русское дзюдо на мировом татами, М.: Издательство «Крылов»; Friedman G., 2008, The Russo-Georgian War and the Balance of Power, Stratfor, August 12,

http://www.stratfor.com/weekly/russo_georgian_war_and_balance_power

³⁹ Kleveman L. The New Great Game. Blood and Oil in Central Asia. London: Atlantic Books, 2003; Rashid A. Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2002.

⁴⁰ Macintyre B., 2008, Georgian Oil Pipeline: the Frontline, The Times, 13 August.

дескать в 1917 г. уже было военное поражение и развал страны, и «в результате произошла социалистическая революция». Книга М.И. Воейкова предостерегает от подобного доктринерского подхода. Она напоминает некоторым нашим товарищам, что победа социалистической революции нужна не сама по себе, не для того, чтобы настоять на своем перед «демократами» и «почвенниками», как стремится настоять на своем скандальная хозяйка на коммунальной кухне. Новый строй нужен, чтобы сделать жизнь людей лучше. М.И. Воейков показывает, что победа революции не в результате исчерпанности развития капитализма, а на волне социального хаоса чревата невозможностью построить социализм.

Кроме того, расчет на победу новой социалистической революции, исходящий из простой и бесхитростной аналогии с событиями вековой давности, был бы не свидетельством марксистских убеждений, а проявлением примитивного доктринерства, неумением уловить диалектическую изменчивость истории, которая никогда не идет прежним путем. Достаточно указать на то, что в отличие от 1917 г. сегодня ни в Европе, ни в России не наблюдается ничего похожего на подъем революционного, социалистического движения. Зато в нашей стране явно наблюдается прилив почвеннических настроений и различных форм шовинизма и национализма. В этих условиях, крах нынешнего режима в результате поражения в международном конфликте может привести: (а) просто к распаду страны с последующим поглощением ее частей соседями, когда надежда на восстановление единого государства на территории бывшей России исчезнет уже навсегда; либо (б) к сохранению единого государства в форме диктатуры почвеннического типа, когда нынешнее «укрепление вертикали власти» покажется левым просто благословенными временами подлинной демократии. В обоих случаях не только не произойдет «победа социалистической революции», но сама потенциальная арена для борьбы за социализм в каком-либо виде попросту исчезнет. И в лучшем случае останется нам тогда собираться уже не в клубе «Диалог» (его, наверняка, закроют), а на пресловутых «московских кухнях», чтобы горько сетовать на «тупость непросвещенных масс», которые опять послушались не нас, таких умных и благородных, а «этих демагогов». Может быть лучше подумать сейчас, предлагаем ли мы обществу что-нибудь вразумительное в переломный момент его развития?

Учитывая непростой опыт нашей истории, мы должны подходить к буржуазно-демократическим преобразованиям не с максималистскими притязаниями, а с целью предотвратить худший сценарий развития страны. Частью этих преобразований, не менее важной, чем достижение экономической эффективности и обеспечение политических прав трудящихся, должно быть укрепление национальной безопасности страны, без чего в современном мире не может быть гарантировано ни первое, ни второе. Но такая постановка задачи предполагает, что, как и сто лет назад, наше общество сталкивается не с линейной «неизбежностью» исторического процесса, а с

набором альтернативных путей развития. Достаточно очевидно, что основные свойства современного капиталистического класса в России, как они перечислены выше, воспроизводят в ухудшенном виде пороки русской буржуазии начала прошлого века. Это значит, что правящий класс нашей страны вновь не способен осуществить ее модернизацию.

Следовательно, «дилемма Ленина» – борьба за социалистический путь развития в условиях незавершенности буржуазно-демократических преобразований – в новой форме стоит перед страной сегодня. В связи с этим, осмысление исторических альтернатив, с которыми мы сталкиваемся, является долгом левых интеллектуалов. Если бы российское социалистическое движение смогло найти путь к более цивилизованному, эффективному и гуманному капитализму, то это стало бы свидетельством его зрелости, а также позволило бы завоевать более прочные общественные позиции, вновь стать существенным фактором исторического выбора нашей страны. Учитывая уроки советской истории, не следует ставить амбициозные и непосильные задачи создать нетоварное, социалистическое общество в отдельной стране. В то же время, основной урок постсоветской истории состоит в провале либерального проекта, обнаружившего идейную нищету и практическую бесплодность антикоммунизма. В силу этого бессмысленно ждать, что эволюционным путем, тем более в условиях нарастающего мирового кризиса, само собой произойдет становление цивилизованного капитализма. Видимо, наше общество должно найти современную форму НЭПа, когда частный капитал не уничтожен, но поставлен под надежный общественный контроль. На уровне предприятия здесь нам может помочь модель трудовых отношений, когда наемные работники в различных формах участвуют в управлении производством. На уровне народного хозяйства в целом это должна быть модель плано-рыночного хозяйства, когда цены на продукцию предприятий, заработная плата, прибыль и инвестиции согласуются в ходе совместной разработки народнохозяйственного плана государством, профсоюзами и менеджментом предприятий. Народно-хозяйственный план, определяющий основные пропорции, темпы роста и распределение национального дохода должен вырабатываться гласно и демократически, но быть обязательным для исполнения. Его стержнем должно стать перераспределение национального дохода от собственников капитала к трудящимся, и финансовых потоков от сырьевых отраслей к обрабатывающей промышленности⁴¹. На этой социально-экономической основе должно быть достигнуто возрождение оборонного комплекса страны и модернизация ее вооруженных сил. Гарантией, что они не будут использоваться против народа, должно стать доминирование в политической системе мас-

⁴¹ Подробнее о модели плано-товарного хозяйства, о ее теоретических предпосылках и практическом содержании см в: Дзарасов Р. и Новоженев Д., указ. соч., гл. 8.

совой партии левого типа.

Подобная модель социально-экономической системы не является социалистической, но ее нельзя назвать и чисто капиталистической. Частный капитал в предлагаемой системе не уничтожается, но лишается господствующего положения. Вот почему, как сказано, подобная модель не может сложиться стихийно. Она неизбежно столкнется с отчаянным сопротивлением со стороны сегодняшнего имущего класса. Поэтому, утверждение подобной модели возможно лишь в результате острой политической борьбы, являющейся по сути завершением буржуазно-демократической революции, осуществляемым вопреки воле крупного, компрадорского капитала. При понимании этих преобразований именно как буржуазно-демократических, содержащих лишь отдельные, хотя и важные, социалистические элементы, возможно создание широкой коалиции заинтересованных в них общественных сил от рабочего движения и мелких служащих до мелкого и среднего бизнеса, капитала обрабатывающих производств и части армии.

В условиях сегодняшней апатии масс, страдающих молча, подобные предложения могут показаться утопией. Однако мы делаем их исходя из гипотезы о неизбежности краха нынешнего общественного строя в результате обострения международных противоречий и конфликтов в условиях нарастающего мирового кризиса. Опыт истории говорит о том, что в условиях глубокого и затяжного кризиса, испытав разочарование в господствующей системе ценностей, и не видя для себя выхода, народные массы могут стремительно (по историческим меркам) перейти от пассивности к самым отчаянным формам социального протеста. Если не будет продуманной, реалистичной, т.е. практически осуществимой, альтернативы существующему общественному порядку, этот взрыв может ограничиться простым выбросом вполне обоснованной, но творчески бесплодной классовой ненависти. Сравнительно легко ее можно будет канализировать в утверждение диктатуры почвеннического типа.

Из сказанного выше можно заключить, что буржуазно-демократический путь развития возможен, только если правящий класс капиталистического общества готов пойти на существенный социальный компромисс с трудящимися. Этот компромисс труднее заключить буржуазии стран периферийного капитализма, т.к. подобные общества по природе мирового хозяйства вынуждены обслуживать капитализм центра. Следовательно, правящие классы подобных стран располагают гораздо меньшими доходами, которыми необходимо поделиться с трудящимися. Теоретически в обществе периферийного капитализма может выделиться ядро национально ориентированного капитала, готового бросить вызов центру, и стремящегося опереться на поддержку более широкого круга социальных сил, включая трудящихся. Однако этому отряду буржуазии придется столкнуться с компрадорским капиталом. Отчасти подобный раскол можно было наблюдать в дореволюционной России, в которой Петербургский капитал в большей степени обладал компрадорскими чертами, а московский

– в большей мере придерживался почвеннической ориентации⁴². Характерно и то, что именно в Москве выдвинулись предприниматели, оказывавшие поддержку революционерам, такие как С. Морозов и Шмид. Однако, в конечном счете, русский национально ориентированный капитал так и не смог преодолеть свою зависимость от самодержавия и стать самостоятельным фактором в борьбе за будущее страны. Отбросив социальный компромисс, не смогли обеспечить развитие своих стран по пути буржуазных демократий и правящие классы Германии, Испании и Китая в первой половине прошлого века, как мы показали выше. В этих условиях буржуазно-демократические преобразования требуют установления контроля над крупным капиталом в интересах достижения социальных компромисса основных классов общества. Но подобный контроль является уже выходом за узкие рамки буржуазных норм и институтов, предполагая определенные шаги по пути обобществления собственности. Оно может и сильно различаться по степени и глубине преобразований в разных обществах, принимая разнообразные формы планирования, национализации каких-то производств и банков, участия рабочих в управлении производством и т.д. Это еще не «полный» социализм (ни в основе, ни в основном), но это уже элементы социализма, как будущего общественного строя.

Таким образом, М.И. Воейков прав, говоря о невозможности *построить* социализм в стране с недоразвитым капитализмом. Но, на наш взгляд, он ошибается, трактуя «дилемму Ленина» как забегание вперед истории. Ленин предлагал лишь *строить* социализм в России. Как мы стремились показать в данной статье, субъективный выбор незрелого буржуазного класса делает «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую» объективной потребностью развивающихся обществ периферийного капитализма. Вот почему «дилемма Ленина» это не чисто академический вопрос давней истории. Совсем напротив, она ставит ребром наиболее глубокую, поистине экзистенциальную проблему современности. Из этого, как нам видится, вытекает огромное значение новой книги М.И. Воейкова.

⁴² Очерк эволюции политической культуры московского купечества и промышленников во второй половине XIX - начала XX вв. см. в обстоятельной работе: Owen Thomas C. *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855 – 1905*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, 276 p.